

Нѣсколько словъ о. предсѣдателю и о.о. депутатамъ Епархіального Съѣзда Духовенства январской сессіи 1905 г., по поводу журнальнаго постановленія ихъ отъ 27 января 1905 г. за № 5.

Въ № 9 Уфимскихъ Епарх. Вѣдомостей за настоящей годъ отпечатаны журналы засѣданій январскаго епархіального съѣзда духовенства за 1905 годъ, и въ журналѣ за № 5 я обезчещенъ о.о. депутатами съѣзда на всю епархію, какъ человекъ непостоянный въ своихъ взглядахъ въ дѣлѣ воспитанія и обученія дѣтей, какъ человекъ, относящійся безучастно къ обязанностямъ поручаемымъ мнѣ духовенствомъ, какъ человекъ, деморализующимъ образомъ дѣйствующій на дѣтей, — почему съѣздъ просилъ Преосвященнаго уволить меня изъ состава членовъ правленія духовнаго училища, какъ человека вреднаго и назначить вмѣсто меня священника Михайлова (что уже и сдѣлано).

Слишкомъ тяжело получить незаслуженное оскорбленіе, и въ добавокъ въ печати, а особенно тяжело получить его отъ своихъ собратій во Христѣ, которые, по самому своему званію, должны быть об-

разцами любви, кротости, доброжелательности и снисходительности къ ближнему.

Но за что-же пастыри Церкви Божіей рѣшились столь жестоко и безсердечно бичевать своего собрата и позорить его доброе, ничѣмъ незапятнанное доселѣ доброе имя? За то, что семь лѣтъ я служилъ духовенству честно, безкорыстно, всегда относился къ дѣтямъ съ любовію, сердечно, снисходительно, жалѣя ихъ гдѣ слѣдуетъ и заступаясь за нихъ, сочувствуя имъ всегда и принося пользу, по силѣ возможности. Вынужденъ заявить здѣсь, что въ теченіи своей 29-лѣтней службы, я былъ всегда у начальства на порядочномъ счету, пользовался довѣріемъ и вниманіемъ его ко мнѣ, получалъ награды и похвалы, и никогда не былъ замѣченъ въ какихъ либо неблаговидныхъ поступкахъ; гдѣ ни служилъ, я вездѣ пользовался расположеніемъ своихъ прихожанъ и, наконецъ, за ту именно службу (учебно-воспитательную), въ которой духовенство нашло меня бесполезнымъ и вреднымъ, я недавно, по поводу представленія къ пенсіи за 25 л. службы по Мин. Нар. Просвѣщенія, получилъ отъ весьма компетентнаго лица по учебно-воспитательной части, именно его превосходительства, г-на Попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, слѣдующую лестную аттестацію: „я получилъ совершенно достовѣрныя свѣдѣнія о прекрасномъ религіозно-нравственномъ вліяніи о. Шестакова на ученицъ (2 женской гимназіи), о его трогательномъ участіи къ ихъ духовнымъ и матеріальнымъ нуждамъ, о его любви къ гимназіи, о глубокомъ почитаніи ученицами своего законоучителя. Я ставлю это выше богословской учености“ (отъ 7 янв. с. г. за № 86-мъ). Не думаю, чтобы человѣкъ, дѣятельность котораго такъ прекрасно аттестована высшимъ начальствомъ, могъ вредно дѣйствовать на

дѣтей духовенства; мнѣ кажется, что такое лицо должно быть желательнымъ и полезно для учебнаго заведенія, а не должно быть изгоняемо изъ него. *Еда обрѣмлютъ отъ терніа грозды или отъ ренія смоквы?* Несомнѣнно, что по плодамъ узнается и дерево. Дай Богъ каждому изъ о.о. депутатовъ, начиная съ о. предсѣдателя, получить такую лестную аттестацію за ихъ дѣятельность отъ высшаго начальства. Я стараюсь быть и во всѣхъ другихъ родахъ моей служебной дѣятельности одинаково честнымъ, вѣрнымъ, и трудолюбивымъ человекомъ и считаю для себя нравственнымъ долгомъ, по силѣ умѣнья и возможности, вездѣ и всѣмъ быть полезнымъ, относясь ко всѣмъ искренно и сердечно. И за такое мое отношеніе къ дѣлу я получилъ столь тяжелое оскорбленіе! И кто-же мои строгіе и безпристрастные судьи? Иные изъ нихъ мои бывшіе ученики по духовному училищу, гдѣ я когда-то былъ преподавателемъ латинскаго языка (о.о. Константиновскій, Муромцевъ, Разсыпнинскій, Лепоринскій и В. Соколовъ; послѣдній учился въ Бирскомъ уѣздномъ училищѣ, когда я тамъ былъ законоучителемъ), а другіе члены, въ большинствѣ— мои хорошіе, добрые старые знакомые; всѣ они, думается, должны знать меня только съ порядочной стороны—но вотъ они-то и позволили себѣ бросать въ меня грязью! Но за что-же? За то, что я не хотѣлъ раздѣлять ихъ предвзятый традиціонный взглядъ о страшно-распущенномъ состояніи духовнаго училища и вмѣстѣ съ ними закидать грязью училищную корпорацію. Такъ какъ многіе изъ о.о. депутатовъ ученики г. смотрителя и нѣкоторыхъ изъ преподавателей, то думаю, что симъ послѣднимъ было очень прискорбно и тяжело видѣть своихъ бывшихъ учениковъ въ роли неблагодарныхъ чадъ. Полагаю также, что эти лица не

постѣснились-бы аттестовать съ худшей стороны и семинарскую корпорацію, если-бы только представилась къ тому возможность.

О.о. съѣзда хотѣлось, повидимому, чтобы я вполнѣ примкнулъ къ мнѣнію о. Хитрова, и для того я, очевидно, былъ вызванъ на съѣздъ, который бы могъ коллективно подѣйствовать на меня, и когда о.о. депутаты не достигли сего вполнѣ, въ виду поданной мною докладной записки, они начали мнѣ приписывать такія выраженія, которыхъ и не говорилъ, и по своему убѣжденію не могъ говорить (что де я, если бы присутствовалъ въ засѣданіи съѣзда 1904 г., то *вполнѣ* былъ-бы солидаренъ съ мнѣніемъ о. Хитрова по вопросу о *весьма слабой постановкѣ* въ училищѣ школьной дисциплины,— слова мои переданы неправильно, такъ я не выражался). Во время моего пребыванія на съѣздѣ о.о. депутаты на столько были возбуждены и озлоблены противъ всего строя училища, что не хотѣли, повидимому, оставить камня на камнѣ въ училищѣ; хотѣли требовать синодальной ревизіи его; высказывали, что пора, наконецъ, принять мѣры противъ безобразій въ училищѣ; что долженъ быть конецъ долготерпѣнію духовенства въ этомъ отношеніи. Мнѣ сдается, что подобныя пессимистическія мысли высказывали тѣ члены съѣзда (а другіе невоздержные дѣйствовали подъ вліяніемъ ихъ), которые озлоблены были противъ училища за исключеніе ихъ дѣтей за разные неблаговидные поступки, и въ этомъ случаѣ могли разсуждать пристрастно,—изъ за личныхъ отношеній къ училищной корпораціи. Въ виду столь возбужденнаго состоянія умовъ о.о. депутатовъ съѣзда я, будучи съ ними не солидаренъ во взглядахъ на училище, и видя, что они хотятъ и меня завербовать въ свой лагерь, что для меня было дѣломъ

противнымъ совѣсти, такъ какъ я убѣжденъ, что училище вовсе не настолькоъ плохо, какъ его рисуетъ съѣздъ по доносу о. Хитрова,—рѣшился написать особую докладную записку, въ которой опредѣленно высказалъ свой взглядъ на дѣло, не противорѣча тому, что высказывалъ и о. Хитрову, и на съѣздѣ; но поелику мой взглядъ былъ не желательнымъ для съѣзда, принципиально рѣшившаго поставить крестъ на старые училищные порядки, создавъ при содѣйствіи о. Хитрова все новое и совершенное, то меня, какъ человѣка стоящаго не въ курсѣ дѣла, отсталаго и несочувствующаго съѣзду, рѣшили съ позоромъ предать ostracismu. Я, конечно, человѣкъ маленькій и незамѣтный, каковымъ и считаетъ меня съѣздъ, но были до меня и солидные члены, и никто изъ нихъ доселѣ не выражалъ такого мрачнаго взгляда на училищные порядки, а только о. Хитровъ, служащій очень мало въ училищѣ, нашелъ массу ненормальностей и уклоненій отъ школьной дисциплины, раскритиковалъ училище во всѣхъ отношеніяхъ и рѣшился все пересоздать по своему. Я только говорилъ, что среди духовенства издавна существуетъ плохой взглядъ на училище (назадъ тому 25 лѣтъ, въ то время, когда учительствовалъ я, уже существовалъ такой взглядъ и я всегда возмущался этимъ пристрастнымъ и неправильнымъ взглядомъ), и что-де поэтому многіе родители переводятъ своихъ дѣтей въ другія учебныя заведенія (дѣйствительная же причина сего, по моему мнѣнію, другая, какъ высказалъ я въ моей докладной запискѣ). Но вѣдь я только высказывалъ существующій взглядъ на училище другихъ, и это еще не значитъ, чтобы я и самъ вполне раздѣлялъ этотъ взглядъ. Правда, что есть недостатки въ школьной дисциплинѣ училища (но вѣдь гдѣ ихъ нѣтъ, особенно въ нынѣшнее слабое время), да и въ насъ самихъ развѣ мало найдется уклоненій отъ правильнаго пу-

ти; я также выражалъ на съѣздѣ желаніе позаботиться объ улучшеніи училищной дисциплины, но про плохое состояніе учебнаго дѣла ни съ о. Хитровымъ ранѣе, ни на съѣздѣ ничего не говорилъ. Я считаю не справедливымъ быть непомѣрно—требовательнымъ по отношенію къ другимъ, каковымъ является о. Хитровъ, зная по опыту, насколько легко требовать исполнительности отъ другихъ, и насколько трудно быть всегда исправнымъ во всѣхъ отношеніяхъ самому.

Если съѣзду не хотѣлось уволить изъ членовъ правленія такого энергичнаго и дѣятельнаго чело-вѣка, какъ о. Хитровъ, согласно предложенія Преосвященнаго, а вмѣсто его хотѣлось удалить меня, ужели съѣздъ не могъ сдѣлать это потактичнѣе и деликатнѣе, и не такъ шумно и самовластно, какъ это онъ сдѣлалъ со мной? Если о.о. членамъ съѣзда не нравятся училищные порядки, для чего изъ-за этого имъ было публично, во вся тяжкая, позорить мое доброе имя? Не дай Богъ никому изъ нихъ испить той горькой чаши, которую они преподнесли мнѣ, чѣмъ отблагодарили меня за долговременную, безмездную службу. Почему духовенство ранѣе, въ теченіи семи лѣтъ, никогда не заявляло о моей непригодности и послѣ двухъ трехлѣтій, на которыя единогласно избирало меня, неожиданно для себя и меня, убѣдилось въ моей бесполезности, и даже болѣе?! Совѣсть моя чиста предъ Богомъ и добрыми людьми: я никогда никого не деморализировалъ и всячески всѣмъ старался дѣлать добро, а грѣхъ невѣдѣнія, если открыли во мнѣ о.о. депутаты, можно-бы и простить, а не такъ жестоко и сурово за оный наказывать! Чтобы бросить въ другого камень, нужно быть самому совершеннымъ и безгрѣшнымъ, но извѣстно, что чѣмъ чело-вѣкъ совершеннѣе, тѣмъ онъ снисходительнѣе и гуманнѣе относится къ другимъ, и тѣмъ менѣе способенъ осуждать другихъ; но чтобы рѣшиться такъ

оскорбить ближняго, какъ оскорбленъ я, надобно имѣть слишкомъ много самонадѣянности и смѣлости; наконецъ, оскорблять челоуѣка, который имъ равенъ, и судить его, кажется, никто ихъ не поставилъ.

Прошу великодушно о.о. депутатовъ съѣзда простить меня, если я позволилъ по адресу ихъ рѣзко выражаться: я вынужденъ былъ, на сколько могъ, защитить свое честное имя.

Градо-Уфимской Спасской церкви

священникъ *Михаилъ Шестаковъ.*

